

КСЕНИЯ СТЕПАНОВА

СКВОЗЬ СИРЕНЕВЫЙ ТУМАН

СТЕКЛЯННЫЕ КОРНИ

КНИГА ВТОРАЯ

Ксения Степанова

**Сквозь сиреневый туман
книга 2 Стекланные корни**

«Автор»

2026

Степанова К.

Сквозь сиреневый туман книга 2 Стекланные корни /
К. Степанова — «Автор», 2026

Он вернулся, чтобы спасти её. Но спасти можно только то, что готово быть спасённым. Три года Циан Рейнский был мостом между Москвой и Мещерой. Но однажды туман приносит беду: Летиция умирает. Лес голодает, а древний Король-в-Кремне просыпается, грозя поглотить оба мира. Циан создаёт Аналитическую карту — живой артефакт, способный переписать Код. Но чтобы остановить тьму, ему придётся отдать часть себя. А Летиции — принять его помощь, переступив через гордость. Они станут единым целым. Или сгинут в сиреновом тумане навсегда. Вторая книга цикла «Сквозь сиреневый туман».

© Степанова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «Город тонет в сирени»	5
ГЛАВА 1. «Стекланный Дуб болеет»	7
ГЛАВА 2. «Три года одиночества»	11
ГЛАВА 3. «Аналитическая карта»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ксения Степанова

Сквозь сиреневый туман

книга 2 Стекланные корни

ПРОЛОГ. «Город тонет в сирени»

Москва тонула в сирени.

Циан стоял у окна тридцать седьмого этажа и смотрел на город, который когда-то был его миром. Огни небоскрёбов, бесконечные потоки машин, мерцание рекламных экранов — всё это было привычным, почти родным. Но сегодня он смотрел на этот пейзаж и чувствовал себя чужим.

Туман был везде. Он струился по улицам, окутывал башни, просачивался сквозь стены домов, как будто город сам становился частью того, другого мира — того, где осталась Летиция. Сиреневый свет мягко пульсировал в воздухе, и Циан знал: это не просто погода. Это Лес дышит. Лес зовёт его.

Он сжал в руке ветку Стекланного Дуба — ту самую, что носил с собой уже три года. Она была тёплой, живой, пульсирующей в такт с его сердцем. Но сегодня он чувствовал в ней что-то другое — едва уловимую тревогу, как будто дерево, даже на расстоянии, пыталось предупредить его.

— Что случилось? — прошептал он, глядя на ветку. — Что с тобой? Что с ней?

Ответа не было. Только тишина, которая звенела в ушах, как натянутая струна. Ветка пульсировала слабее, чем обычно, и её листочки — вечно зелёные, вечно живые — начали желтеть по краям.

— Нет, — сказал он. — Только не это.

Он сорвался с места, на ходу натягивая пальто. В серверную ворвался дежурный техник:

— Рейнский, у тебя совещание через пятнадцать минут. Ты куда?

— Отмени, — бросил Циан, не оборачиваясь. — У меня... семейные обстоятельства.

Он знал, что это звучит странно. У него никогда не было семьи — только работа, только алгоритмы, только холодные стены серверной. Но сейчас у него была она. И он чувствовал: ей нужна его помощь.

Он вышел на крышу небоскрёба, где туман был особенно густым. Сиреневые клубы обвивали его, касались лица, как будто пытались удержать. Он закрыл глаза, сосредоточился, позвал Лес — и мир вокруг него исчез.

Он вышел из тумана на знакомой поляне урочища Бармино. Всё было как прежде: сто-рожка с синими наливниками, старая берёза у крыльца, тропа, ведущая к Стекланному Дубу. Но воздух был другим — тяжёлым, влажным, как перед грозой, и в нём не было привычного спокойствия.

Он вбежал в сторожку.

Летиция лежала на лежанке. Она была бледной, почти прозрачной, её волосы, когда-то пепельно-русые с рыжими прожилками, стали совсем седыми. Под глазами — тёмные круги, дыхание — поверхностное, слабое, как ветер, который вот-вот стихнет навсегда. Она спала, и во сне её лицо было спокойным, но в этом спокойствии было что-то пугающее — как будто она уже не боролась, а просто ждала.

Циан упал на колени у её постели, взял её руку. Она была холодной — слишком холодной для человека, который всегда была живой, тёплой, полной огня.

— Лети, — прошептал он. — Лети, я здесь. Я пришёл. Открой глаза.

Она не ответила. Только её ресницы дрогнули, как будто она пыталась открыть глаза, но не могла.

Он сжал её руку, прижал к своей груди, чувствуя, как внутри него поднимается паника — та самая, которую он так долго учился подавлять.

— Я не дам тебе уйти, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ты слышишь? Я не дам тебе уйти. Я найду способ. Я всегда нахожу способы.

Ветка в его кармане пульсировала слабо, но ритмично, как умирающее сердце. И в этом ритме он слышал что-то — тихий, едва уловимый голос, который шёл из самого сердца Леса:

«Она отдала слишком много, ключ. Слишком много. Теперь Лес голодает. И она умирает вместе с ним».

Циан поднял голову, оглянулся, но в сторожке никого не было. Только туман за окном — густой, непроглядный, и в нём, как далёкое эхо, слышался тот же голос.

— Я спасу её, — сказал он в пустоту. — Я спасу их обоих. Я обещаю.

Он сел на табуретку у её постели, взял её руку в свою и стал ждать. Он не знал, сколько пройдёт времени, прежде чем она очнётся. Но он знал одно: он не уйдёт. Он будет рядом. Сколько бы это ни требовало.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стекланного Дуба, земля дрогнула — едва заметно, почти незаметно. Внизу, в самой тёмной глубине, кто-то шевельнулся. Не проснулся, нет — но приоткрыл один глаз.

Тень. Древняя, как сам Лес.

— Он вернулся, — прошептала тень. — Ключ вернулся. И Хранительница почти мертва. Всё идёт по плану. Скоро... скоро я выйду.

Земля снова замерла. Тишина. Только туман клубился над поляной, и в нём, как забытая песня, звучала тревога.

ГЛАВА 1. «Стекланный Дуб болеет»

Ночь тянулась бесконечно.

Циан сидел на табуретке у лежанки Летиции, сжимая её холодную руку в своей, и смотрел, как за окном медленно сгущается туман. В сторожке было темно, только луна пробивалась сквозь щели в ставнях, рисуя на полу серебристые полосы. Где-то за окном ухал филин, и в этом звуке было что-то древнее, печальное, как будто сама ночь оплакивала то, что происходило в этом маленьком доме посреди леса.

Летиция не просыпалась. Её дыхание было поверхностным, прерывистым, и каждый раз, когда оно замирало на мгновение дольше обычного, у Циана останавливалось сердце.

Он провёл пальцем по её щеке — она была бледной, почти прозрачной, и под глазами залегли тёмные круги. Волосы, когда-то пепельно-русые с рыжими прожилками, теперь были совершенно седыми — как у старой женщины, которая прожила долгую, трудную жизнь. Он помнил её другой — дикой, колючей, полной огня. Она смеялась, злилась, танцевала с туманом. А теперь лежала здесь, тихая и беззащитная, и он не знал, как ей помочь.

— Ты слишком много отдала Лесу, — прошептал он, глядя её руку. — Три года. Я думал, что строю мосты, что соединяю миры, а ты... ты держала всё это одна. Почему ты не сказала мне?

Она не ответила. Только её ресницы дрогнули, как будто она слышала его, но не могла открыть глаза.

Ветка Стекланного Дуба лежала у него на коленях. Он носил её с собой уже три года — с того самого дня, как впервые вернулся в Москву. Она была его связью с Лесом, с Летицией, с той жизнью, которую он нашёл здесь. Но сейчас ветка была тусклой. Её листочки, всегда зелёные и живые, начали желтеть, сворачиваться на краях, и пульсация внутри неё — та самая, что всегда успокаивала его, — стала слабой и неровной.

— Держись, — прошептал он, обращаясь то ли к ветке, то ли к Летиции. — Я здесь. Я не уйду.

Он сидел так до рассвета, не смыкая глаз. Он не мог позволить себе уснуть — потому что боялся, что, когда откроет глаза, её не станет.

Солнце начало подниматься над горизонтом, разгоняя туман и заливая поляну золотистым светом. Летиция медленно открыла глаза. Золото в них почти погасло, остался только тусклый, усталый свет, но она улыбнулась, когда увидела его.

— Ты всё ещё здесь, — прошептала она. Голос её был слабым, как шёпот сухих листьев.

— Я никуда не уйду, — сказал он.

— Тебе нужно в Москву. Работа...

— Работа подождёт. Ты — важнее.

Она слабо усмехнулась, и в этой усмешке он узнал её — ту самую Летицию, которая когда-то сказала ему: «Ты — стекланный человек, Рейнский. Я не знаю, можно ли тебя разбить».

— Ты не изменился, — сказала она. — Всё хочешь всё контролировать.

— Я изменился, — возразил он, сжимая её руку. — Раньше я бы попытался просчитать вероятность твоей смерти, составил бы график угасания и план эвакуации. Теперь я просто сижу рядом и надеюсь.

Она слабо рассмеялась — и кашель прервал её смех. Он замер, чувствуя, как страх сжимает горло. Она откашлялась, сделала глубокий вдох, и её дыхание восстановилось, но он видел — каждый вздох даётся ей с трудом.

— Это... прогресс? — спросила она, когда смогла говорить.

— Это — любовь, — сказал он.

Она долго смотрела на него. Потом отвела взгляд к окну, где туман редел, открывая вид на лес — сухой, умирающий, покрытый трещинами.

— Ты должен пойти к Стекланному Дубу, — сказала она. — Он болеет. Я чувствую это каждую ночь. Если он умрёт — Лес умрёт следом. А вместе с ним — и я.

Циан встал, положил ветку в карман.

— Я пойду.

— Будь осторожен, — она с трудом повернула голову, чтобы посмотреть на него. — Корни... они не те, что раньше. Туман изменился. Он стал тяжелее. И в нём... в нём есть что-то тёмное. Я не знаю, что это, но оно растёт.

Он наклонился, поцеловал её в лоб — мягко, почти невесомо, как будто боялся сломать.

— Я вернусь, — сказал он. — Обещаю.

— Ты говорил, что обещания — это не алгоритмы, — прошептала она.

— Это обещание — не алгоритм, — ответил он. — Это — я.

И вышел из сторожки.

Туман был густым, почти непроглядным. Он клубился у ног Циана, тянулся к нему, как живое существо, и в его шепоте слышались голоса — древние, печальные. Циан шёл по знакомой тропе, той самой, что вела к Стекланному Дубу, но она изменилась. За три года он привык к тому, что Лес живёт своей жизнью, но сегодня эта жизнь казалась умирающей.

Корни деревьев выступали из земли, пересыхая и ломаясь под ногами. Листья на кустах были жёлтыми и сухими, хотя стояло лето. Даже птицы молчали, и тишина была гнетущей, тяжёлой, как свинцовое одеяло.

Он шёл, чувствуя, как ветка в его кармане пульсирует всё слабее. Каждый шаг давался с трудом — не потому, что он устал, а потому, что Лес вокруг него умирал, и он чувствовал эту смерть каждой клеткой своего тела. Он больше не был чужим в этом мире. Он был его частью. И эта боль была его болью.

Он вышел на поляну — и замер.

Стекланный Дуб стоял на своём месте. Циан видел его тысячи раз, и каждый раз этот вид наполнял его покоем. Но сегодня он был другим.

Его кора, когда-то светившаяся золотистым светом, была тусклой и серой, покрытой глубокими трещинами. Корни, которые раньше уходили в землю, переплетаясь с проводами и кабелями, торчали наружу — пересохшие, ломкие, как кости. Ветки почти не шевелились, и только один лист — последний, живой — ещё держался на самой верхушке, но он дрожал от каждого дуновения ветра, готовый сорваться.

Циан подошёл к дереву, положил руку на кору. Она была холодной, почти мёртвой. Ни тепла, ни пульсации, ни того знакомого гула, который всегда исходил изнутри.

— Что случилось? — прошептал он. — Почему ты умираешь?

Ответа не было. Только тишина — глубокая, как колодезь.

Он опустился на колени, провёл пальцами по корням. Они были сухими, потрескавшимися, и в них не было жизни. Он помнил, как они светились, когда он впервые прикоснулся к ним — золотым и сиреневым светом, как будто сама земля дышала. Теперь они были мёртвыми.

— Я не дам тебе умереть, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ты — её сердце. Если ты умрёшь, она умрёт. А я не могу потерять её. Ты слышишь? Я не могу.

И вдруг — тихий, едва уловимый звук, похожий на шёпот. Он шёл из-под земли, из самых корней, и в нём было что-то древнее — старше Леса, старше самой земли.

«Лес голодает, ключ».

Циан замер.

— Кто ты?

«Я — память Леса. Я — та часть, которая помнит, как он был сильным. Я был здесь до того, как появились Хранители. До того, как люди научились говорить. Я — голос корней, голос земли, голос всего, что растёт и умирает».

Циан вглядывался в корни, пытаясь увидеть того, кто говорил с ним. Но там была только тьма — не угрожающая, а пустая, как колодец, в котором давно пересохла вода.

— Почему Лес голодает? — спросил он. — Разве Код, который я создал, не должен был поддерживать его?

«Код работает, ключ. Но он — как пища, которую дают голодному, но в которой нет жизни. Код держит Лес, но не питает его. Хранительница чувствовала это. Она отдавала Лесу свою жизнь — и теперь её почти не осталось».

Циан закрыл глаза, чувствуя, как внутри него поднимается тоска.

— Как накормить Лес? — спросил он. — Что ему нужно?

«Энергия. Жизнь. Не та, что отдаёт Хранительница, а та, что течёт в самом Коде. Ты должен найти способ переписать его. Сделать так, чтобы Лес питался сам. Иначе — она умрёт. И всё, что ты любишь, умрёт вместе с ней».

Голос стих. Тишина снова заполнила поляну, тяжёлая и глухая.

Циан стоял на коленях перед Стекланным Дубам, смотрел на его умирающие корни — и чувствовал, как внутри него закипает решимость. Он не знал, как переписать Код, чтобы он питал Лес. Он не знал, как спасти Летицию. Но он знал одно: он должен попытаться.

Он встал, отряхнул колени и пошёл обратно в сторожку.

Он сидел на крыльце, смотрел на туман, который клубился над поляной, и думал. В его голове не было алгоритмов, не было логических цепочек, не было готовых решений — только страх и решимость, переплетённые в один тугой узел.

Ветка в его кармане лежала неподвижно. Он достал её, посмотрел на пожелтевшие листья, на тусклую кору, на то, как она уже не пульсирует в такт с его сердцем. Она умирала. Как и Летиция. Как и Лес.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить всё, что знал о Коде. Как он создавал его, как переписывал, как вплетал в него ветку, камень и чип. Он помнил каждую строчку, каждый символ, каждый узел. Но сейчас эти знания казались бесполезными.

— Что мне делать? — прошептал он пустоте.

Ответа не было. Только шум ветра в сухих листьях да далёкий крик птицы — последней, которая ещё не улетела.

Он открыл глаза, посмотрел на свои руки. Они дрожали. От страха. От бессилия. От того, что он впервые в жизни не знал, как починить то, что сломалось.

И тогда он решил: он не будет чинить. Он будет искать. Будет слушать. Будет учиться заново — как тогда, в первый день, когда он попал в этот Лес и ничего не понимал.

Он встал, зашёл в сторожку, достал блокнот и сел за стол. За окном опускалась ночь, и в темноте туман казался бесконечным.

Он открыл чистую страницу и начал рисовать.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стекланного Дуба, земля снова дрогнула. Тень внизу, древняя и тёмная, шевельнулась, приоткрыв глаза.

— Он начал искать, — прошептала она. — Хорошо. Пусть ищет. Пусть надеется. Это сделает его падение слаще.

Тень снова замерла, ожидая. Время было на её стороне.

ГЛАВА 2. «Три года одиночества»

Циан сидел на крыльце сторожки, сжимая в руках блокнот с чистыми страницами, и не знал, что делать. Туман клубился вокруг него, густой и непроглядный, и в его шепоте слышались голоса — древние, печальные, как будто Лес оплакивал самого себя.

Он смотрел на свои руки. Они дрожали. Он привык к тому, что может решить любую проблему — найти уязвимость, просчитать алгоритм, переписать код. Но здесь, в этом древнем лесу, его методы не работали. Летиция умирала, и он не мог найти кнопку «отменить».

Он достал ветку Стеклянного Дуба — она была почти холодной. Листочки, когда-то зелёные и живые, теперь свернулись, пожелтели и осыпались, оставляя голые веточки. Он закрыл глаза, попытался почувствовать Лес — но Лес молчал. Только тишина, глухая и тяжёлая, как камень.

— Я не знаю, что делать, — прошептал он пустоте. — Я не знаю, как её спасти. Помогите мне. Кто-нибудь. Помогите.

И вдруг — тихий, едва уловимый звук, похожий на скрип старой двери. Он обернулся. Из тумана, из самого сердца ночи, медленно выходила фигура. Старая, сторбленная женщина в белой одежде, скрывающей лицо. Но он узнал её — по золотому свечению глаз, которые горели даже в кромешной тьме.

— Ивга, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ты — Первая Хранительница.

— Я пришла, потому что ты позвал, — она шагнула вперёд, села на ступеньку рядом с ним, устало, как человек, который прошёл долгий путь. — Ты просил помощи. Я не могу дать тебе готовое решение, ключ. Но я могу показать путь.

Циан смотрел на неё, чувствуя, как внутри него закипает надежда — та самая, которую он почти потерял.

— Скажи мне, — сказал он. — Что я должен сделать?

Ивга молчала. Потом медленно подняла руку и коснулась его виска. Её пальцы были холодными, как утренний туман, но в них была сила, древняя и мудрая.

— Закрой глаза, — сказала она. — И увидь то, что она скрывала от тебя три года.

Мир перед ним исчез.

Он увидел Летицию. Не ту, что лежала сейчас в сторожке, а ту, что была три года назад — когда он впервые ушёл в Москву, оставив её одну.

Она стояла у Стекланного Дуба, провожала его взглядом, и в её глазах была боль — но она не плакала. Она была Хранительницей, и Хранительницы не плачут. Она ждала.

Проходили дни, недели, месяцы. Она ходила по лесу, проверяла барьеры, затягивала узлы, вплетала туман в Код. Она делала это одна — без него, без помощи, без надежды на то, что кто-то придёт и снимет с неё этот груз. Она знала, что он вернётся. Но она также знала — пока его нет, Лес держится только на ней.

Она не спала по ночам. Она сидела на крыльце и смотрела на туман, прислушиваясь к его дыханию. Лес болел — она чувствовала это каждую минуту. Где-то в глубине, у самых корней, просыпалась тень, древняя и тёмная. Она чувствовала её, и каждый раз, когда тень шевелилась, у Летиции останавливалось сердце.

Она знала: если она ослабнет, если позволит себе устать, тень вырвется на свободу. И тогда всё будет кончено. Лес умрёт. И мир умрёт вместе с ним.

Она вставала на рассвете, шла к Дубу и отдавала ему свою силу. Она вплетала в корни свои сны, свои надежды, свою жизнь. Она делала это молча, без жалоб, потому что не могла позволить себе слабость.

Иногда, когда ночи были особенно тёмными, она шептала: «Ты вернёшься, Ци. Я знаю. Я жду». И в этом шепоте было всё — и вера, и отчаяние, и любовь.

Но время шло. Туман становился тяжелее. Тень в корнях росла. И Летиция таяла, как снег под весенним солнцем.

Циан открыл глаза. По его щеке текла слеза.

— Она делала это одна, — сказал он, и голос его дрожал. — Три года. Она держала Лес одна. Пока я строил свои мосты в Москве.

Ивга кивнула.

— Она не хотела, чтобы ты знал. Она боялась, что ты вернёшься и попытаешься всё исправить — и сломаешь себя в процессе. Она боялась, что ты пожертвуешь собой ради неё.

— Но я пожертвую, — сказал он, глядя на свои руки. — Если это спасёт её.

Ивга смотрела на него долгим, пронизывающим взглядом.

— Ты можешь спасти её, — сказала она. — Но это будет стоить тебе части твоей собственной жизни. Ты должен отдать Лесу свою жизненную силу — чтобы он перестал голодать. Но если ты отдашь слишком много, ты можешь умереть. Или стать частью Кода навсегда.

— Я готов, — сказал он.

— Ты не понимаешь, — Ивга покачала головой. — Если ты станешь частью Кода, ты перестанешь быть человеком. Ты будешь существовать, но не будешь жить. Ты не сможешь чувствовать, не сможешь любить, не сможешь быть с ней.

Циан молчал. Он смотрел на сторожку, на тусклый свет, пробивающийся сквозь щели в ставнях, и думал о Летиции. О том, как она смотрела на него сегодня утром, с усталой, но тёплой улыбкой. О том, как она сказала: «Ты не изменился. Всё хочешь всё контролировать».

— Я готов потерять себя, — сказал он тихо. — Если это значит, что она будет жить.

Ивга долго смотрела на него. Потом кивнула, и в её глазах, золотых и древних, он увидел уважение.

— Тогда завтра мы пойдём к Стекланному Дубу, — сказала она. — Я покажу тебе, как отдать свою силу Лесу, чтобы он перестал пить её жизнь. Но помни, ключ: ты не сможешь вернуть то, что отдашь. Это — навсегда.

— Я помню, — сказал он. — И я готов.

Ивга встала, сделала шаг к туману, но на мгновение обернулась.

— Она любит тебя, — сказала она. — Знаешь, почему она так долго держалась? Не потому, что она Хранительница. А потому, что она знала — ты вернёшься. И она хотела увидеть тебя ещё раз.

Она исчезла в тумане, оставив Циана одного на крыльце.

Ночь была долгой. Циан сидел на крыльце, смотрел на звёзды, которые едва пробивались сквозь туман, и думал о том, что сказала Ивга. О том, что он может потерять себя. О том, что он никогда больше не сможет чувствовать, если ошибётся.

Но он также думал о Летиции. О том, как она ждала его три года. О том, как она отдавала Лесу свою жизнь, не жалея себя. О том, как она улыбнулась ему сегодня утром, когда он сказал, что любит её.

Он закрыл глаза и прошептал в ночь:

— Я не знаю, что будет завтра. Но я знаю, что не хочу жить без тебя. Ты — моя константа, Лети. Моя единственная константа.

Ветка в его кармане чуть дрогнула — в последний раз, как будто Лес услышал его и ответил.

Он улыбнулся сквозь боль.

— Завтра я всё исправлю. Я обещаю.

Где-то в глубине Леса, у самых корней Стекланного Дуба, тень замерла. Она чувствовала — что-то изменилось. Ключ принял решение. Он готов был отдать себя.

— Хорошо, — прошептала тень. — Отдавай. Это только приблизит мой час. Земля снова замерла. Но в этот раз в её молчании была не угроза, а ожидание.

ГЛАВА 3. «Аналитическая карта»

Циан не спал всю ночь. Он сидел за столом в сторожке, при свете одинокой свечи, и смотрел на чистые страницы блокнота. Вокруг него было тихо — только ветер за окном шевелил сухие листья, да где-то вдалеке ухал филин. Летиция спала на лежанке, её дыхание было ровным, но слабым, и он слышал каждый её вдох, как слышат тиканье часов в пустой комнате.

Он не знал, что делать. Ивга сказала, что он должен отдать Лесу свою жизненную силу — но как? Как переписать Код, чтобы он питал Лес, а не высасывал жизнь из Летиции? Он пытался вспомнить каждую строчку, каждый символ, который вплетал в Код три года назад. Но сейчас эти знания казались бесполезными.

Он взял карандаш — старый, стёртый, который нашёл на полке — и начал рисовать. Сначала — Стекланный Дуб. Его ствол, его ветви, его корни, которые уходили глубоко в землю. Потом — линии, которые соединяли его с Летицией. Тонкие, почти невидимые, но он знал — они были. Они связывали её с Лесом, как пуповина связывает мать и ребёнка.

Он рисовал часами. Его рука устала, глаза слипались, но он не останавливался. Он водил карандашом по бумаге, создавая узоры, которые видел только он. Он рисовал корни, переплетённые с проводами, узлы, где энергия собиралась, и пустоты, где она исчезала. Он рисовал всё, что видел в своей голове — ту самую структуру, которую он научился различать в первый день в Лесу.

И вдруг — что-то изменилось.

Он поднял голову, посмотрел на рисунок. Линии, которые он нарисовал, начали светиться — мягким, сиреневым светом, который исходил из самой бумаги. Он отшатнулся, но свечение не исчезло. Оно становилось ярче, пульсировало, как живое сердце, и в нём, в этом свете, он увидел то, чего не видел раньше.

Он увидел Лес. Не просто деревья и туман — а живую, дышащую сеть. Каждый корень, каждый камень, каждая тропа были соединены между собой, и энергия текла по этим связям, как вода по руслам рек. Он видел, где она задерживалась, где накапливалась, а где — иссякала. И в центре этой сети, у самых корней Стекланного Дуба, он увидел пустоту. Чёрную, голодную, которая тянула энергию из всего, что было рядом.

— Что это? — прошептал он, глядя на светящийся блокнот.

И вдруг он понял. Это была не просто карта — это был инструмент. Его первый магический артефакт. Аналитическая карта Леса, созданная его аналитическим даром и энергией, которую он впитал в Лесу. Она показывала всё — каждую связь, каждый узел, каждое слабое место.

Он провёл пальцем по одной из линий, и она подсветилась, откликаясь на его прикосновение. Он чувствовал, как Лес отвечает ему, как он признаёт его частью себя. Карта была не просто рисунком — она была продолжением его разума, его новым способом видеть мир.

Он встал из-за стола, подошёл к лежанке Летиции и сел рядом. Она спала, но её лицо было спокойным, и он почувствовал, как внутри него закипает надежда.

— Я создал карту, — прошептал он. — Я вижу, где голодает Лес. Я вижу, как его накормить.

Она не ответила, но он знал — она слышит.

Он вернулся к столу, открыл блокнот на первой странице и начал изучать карту. Она была сложной, живой, и каждый её элемент двигался, менялся, дышал. Он видел корни Стекланного Дуба, которые тянулись вглубь земли, переплетаясь с кабелями и проводами, которые он сам когда-то вплёл в Код. Он видел, как энергия текла от Летиции к Лесу — слабым, прерывистым потоком, который почти иссяк.

Он провёл пальцем по линии, которая соединяла её с Дубом, и почувствовал, как она дрожит, как будто пытается сказать ему что-то. Он закрыл глаза, сосредоточился и попытался почувствовать то, что она чувствовала. Боль? Усталость? Или что-то другое?

И вдруг он услышал голос — тихий, почти беззвучный, но отчётливый:

«Ты видишь нас, ключ. Ты видишь, как мы связаны. Теперь ты должен понять, как это изменить».

Это был голос Леса — тот самый, что он слышал у Стекланного Дуба. Но теперь он звучал иначе — мягче, почти как предупреждение.

— Я вижу, — сказал он. — Я вижу, где голод. Я вижу, куда уходит энергия. Но как мне остановить это?

«Ты должен переписать Код, ключ. Не снаружи — изнутри. Ты должен стать частью этой сети. Не ключом, который открывает дверь, а дверью, через которую течёт жизнь».

Циан открыл глаза, посмотрел на карту. Она пульсировала в такт с его сердцем, и он чувствовал, как она становится частью его самого.

— Я знаю, что делать, — сказал он. — Я впишу себя в Код. Я стану частью этой сети. И тогда я смогу накормить Лес.

Он снова закрыл глаза, но теперь он не рисовал — он вплетал себя в карту. Он чувствовал, как его энергия течёт по линиям, как она заполняет пустоты, как она вплетается в корни и провода, соединяя всё в единое целое.

Он чувствовал, как Лес откликается на его прикосновение, как он признаёт его частью себя. Впервые он был не просто ключом — он был дверью. И через эту дверь текла новая жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.